М.М. Леонов. Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2009. 388 с.

В последние несколько лет библиография работ, в которых освещаются взгляды и деятельность издателя «Гражданина» кн. В.П. Мещерского, заметно увеличилась¹. В монографии М.М. Леонова предпринята попытка разобраться в том, что собой представлял салон, собиравшийся в петербургском доме князя в Гродненском переулке.

Научная значимость изучения салонов, существовавших на зарке императорского периода, их влияния на кадровую политику самодержавия и на формирование общественного мнения очевидна. Но то, как автор выстраивает свое исследование, вызывает недоумение. Вопросы начинаются даже не с первой страницы книги, а уже с обложки – возникает, например, сомнение в том, насколько ее название соответствует содержанию, поскольку Леонов пишет не столько про салон, сколько про самого Мещерского, который характеризуется в том числе и как хозяин неформального политического клуба. Первое же упоминание собственно о салоне как структуре, обеспечивавшей карьерный рост «чиновникам разного уровня» (с. 95), появляется лишь в середине первой главы. А ведь и сам автор признаёт, что именно «локальная сеть, сложившаяся в рамках салона», в отличие от биографии издателя «Гражданина», по-прежнему остается малоизученной (с. 25). Работа завершается принципиально важным (хотя и нуждающимся в конкретизации) выводом о том, что собрания в Гродненском переулке были не просто «частным увлечением» князя, но и являлись – наряду с «личными отношениями с монархом» – источником его силы (с. 25, 342). Именно как один из источников влияния Мещерского салон и интересует автора книги.

Однако буквально с первых строк Леонов заявляет о намерении рассматривать салон Мещерского в контексте последних историографических представлений о якобы «особом», но на самом деле характерном для всех модернизирующихся обществ пути России. Иными словами, на примере одного салона он пытается доказать, что никакого такого «особого пути» у России не было, хотя, очевидно, вступать в этот фундаментальный историософский спор, анализируя столь частный случай, просто некорректно. По мнению автора, во встречах в доме князя можно усматривать своего рода «связующее звено между обществом и представителями власти» (с. 9), коммуникативную «площадку» между «активным обществом» и «правительственными чинов-

никами» (с. 336). Поэтому свою цель Леонов видит в выявлении на примере салона Мещерского «контуров взаимодействия политически активного общества и власти» (с. 9–10). А поскольку до реформ 1905–1906 гг. возможности воздействия общественности на политическую жизнь были незначительными, «особого внимания» заслуживает «практика неформального сотрудничества с властями» (с. 10).

В заключении автор неожиданно заявляет, что считает свое исследование относящимся к социальной истории. Проявляется это, правда, только в последнем абзаце книги, в котором Леонов пишет, что салон эволюционировал от литературного к политическому, объясняя подобную трансформацию социальной динамикой: «городские элиты проявляли нарастающий интерес к политике», верховной власти требовались информаторы о подлинных «настроениях общественности», а Мещерский сумел «освоить эту нишу» (с. 346). Но, к сожалению, в самой монографии данная эволюция не прослеживается. Не раскрывается автором и то, как салон и его хозяин воспринимали и транслировали запросы «городских элит». В заключении встречаются упоминания о лоббировании интересов отдельных представителей элиты (с. 339–344). Но в какой степени салон являлся лоббистом «активного общества», а в какой оставался просто «локальной сетью», чьи интересы «порой противоречили» государственным интересам (с. 346)? Значение же салона в конце XIX – начале XX в. для получения эксклюзивных сведений – это уже совершенно особая тема, относящаяся к тому же все-таки больше к политической, чем к социальной истории.

Похоже, стремясь поместить свое исследование в пространство современных западных историографических дискурсов, Леонов создал для себя непростую проблему. Втискивание собранных им многочисленных интересных фактов в прокрустово ложе заданной методологической установки вынудило его на протяжении всей книги старательно уходить от ответа на главный вопрос его работы – о том, насколько Мещерский своими политическими возможностями был обязан собственно-му салону. В результате во введении автор не столько характеризует историографию темы и ее источниковую базу (новые находки, соотнесение их с уже известными документами, способы интерпретации последних), сколько старается адаптировать к ней теории патроната-клиентелизма и посредничества. Подробное

их изложение занимает более трети введения. При этом Леонов так и не объясняет, как они могут быть использованы для анализа реалий пореформенной России и, в частности, салона Мещерского.

Чрезмерная склонность к теоретизированию сказалась также на качестве историографического и источниковедческого очерков. Достижения предшественников освещены автором очень избирательно. По сути, подробно анализируются только работы А.С. Карцова². Леонову явно импонирует, что в них Мещерский выведен «не одиночкой», но «представителем определенной общественной силы, группировавшейся вокруг его салона» (с. 32). Можно лишь сожалеть о том, что в книге не уточняется, о какой именно силе идет речь. Первая же в отечественной исторической науке монография о политических салонах конца XIX – начала XX в., написанная Д.И. Стоговым³, представлена крайне предвзято. Целая глава в ней посвящена салону Мещерского, но для Леонова, похоже, существеннее то, что ее автор, «по-видимому, придерживается концепции “особого пути” России и уже в первой строчке введения констатирует “отсутствие в самодержавной России гражданского общества”» (с. 11). По существу Леонов спорит с ним лишь на двух страницах (с. 100–101), и остается не совсем ясно, следует ли из этого, что со всем остальным в монографии Стогова он согласен? Обзор источников представляется крайне поверхностным – ему отведены всего 3 страницы, и он почти в 5 раз короче, чем пересказ концепций патроната-клиентелизма и посредничества.

В отличие от введения и отдельных фрагментов заключения, основное содержание книги не вызывает неприятия и принципиальных возражений. К счастью, богатый материал, собранный и обстоятельно изложенный Леоновым в пяти главах, не сильно пострадал от настойчивых попыток автора привязать его к тем или иным социологическим или политологическим концепциям. Разумеется, не со всеми авторскими интерпретациями можно согласиться, но это скорее располагает к научной дискуссии, тогда как теоретико-методологическая избыточность только мешает правильно пониманию действительно важной работы, проделанной Леоновым.

Первая глава посвящена взаимоотношениям Мещерского с монархами и представителями царской династии начиная со старшего сына Александра II – цесаревича Николая Александровича. Автор подробно описывает, используя сведения как известных, так и новых источников, как Мещерский завоевывал доверие нового наследника престола – вел.

кн. Александра Александровича, то создавая при нем кружок, то навязывая ему конфиденциальное обсуждение дневниковых записей цесаревича, то путешествуя вместе с ним по России, то, наконец, поддерживая дружескую переписку (с. 57–64). Сопоставляя разные объяснения первой опалы Мещерского в 1873 г., Леонов склоняется к тому, что основной ее причиной являлись интриги против князя со стороны цесаревны Марии Федоровны и великих князей Алексея и Владимира (с. 73–74). Возобновление отношений Мещерского теперь уже с Александром III в 1883 г. автор объясняет острой потребностью императора в информации о «чаяниях городских элит и простонародья», Мещерский как хозяин салона располагал ею и потому был снова приближен к царю (с. 90).

Особого внимания заслуживает характеристика взаимоотношений князя с Николаем II. Не отрицая, что они сблизились именно в тот период, когда во главе МВД стоял Д.С. Сипягин, Леонов оспаривает устоявшееся в историографии представление, согласно которому это сближение произошло благодаря содействию министра внутренних дел. По его мнению, в очередной раз сыграла свою роль потребность престола в надежном информаторе (с. 100). Между тем сам автор отмечает, что в первой половине апреля 1902 г. обращения Николая II к Мещерскому становились все более и более доверительными и монарх даже начал обращаться к князю на «ты» (с. 102). В книге этот факт никак не объясняется. Однако, как известно, Николай II тяжело переживал убийство 2 апреля 1902 г. Сипягина – первого министра, назначенного им по собственному выношенному решению, а не под воздействием извне. И если после его гибели царь вдруг резко начал проявлять расположение к Мещерскому, то это косвенно свидетельствует о том, что князь был рекомендован ему именно убитым министром. Николаю II было свойственно после ухода из жизни близких ему людей переносить свою привязанность к ним на тех, кого они ранее старались к нему приблизить.

Леонов тщательно реконструирует договоренности между императором и Мещерским в рамках «тайного и оборонительного союза», как назвал их общение Николай II в одном из своих писем к князю: издатель «Гражданина» передавал собранные им слухи, царь же держал его в курсе предполагаемых решений и назначений, предоставляя возможность свободно о них высказываться (с. 104). Но в какой степени Николаю II волновали передававшиеся Мещерским «настроения масс»? По словам Леонова, осведомленность о них «позволяла предугадывать реакцию на тот или иной

шаг властей» (с. 105). И это вполне справедливо, но только для более позднего периода, когда «тайный и оборонительный союз» уже распался. Например, в 1905 г. власть действительно нуждалась в «четких представлениях о настроениях различных социальных групп» (с. 115). Однако до начала революционных потрясений монарха мало интересовало мнение не только широких «масс», но и образованного общества.

Леонов допускает, что посвященный весной 1902 г. в дела «тайного и оборонительного союза» новый министр внутренних дел В.К. Плеве мог восприниматься в качестве его «третьего полноправного участника» (с. 107). В таком случае можно предположить (хотя убедительных доказательств этого пока нет), что, по крайней мере на первых порах, «союз» был направлен против министра финансов С.Ю. Витте.

Во второй главе монографии Леонов пишет непосредственно о салоне Мещерского – «собраниях, ориентированных главным образом на бюрократию» (с. 128). Автор детально разбирает, как хозяин приглашал в гости нужных ему людей, как держался с посетителями и как вели себя приглашенные, о чем разговаривали в Гродненском переулке и был ли у проходивших там собраний какой-то единый, повторяющийся из раза в раз сценарий. Эти вопросы в свое время «оказались на периферии» монографии Стогова (с. 33). Для концепции же Леонова эта глава имеет особое значение. Однако и здесь роль собственно салона в политической деятельности Мещерского не выглядит исключительной. Риторические особенности приглашений Плеве свидетельствуют только о намерении князя добиться доверительных отношений с министром внутренних дел. Даже если Мещерский и в этом случае «претендовал на роль конфиденнта» (с. 142), а выстраивание подобной системы персональных контактов вообще было свойственно для издателя «Гражданина», то он стремился к общению с Плеве приватно, а не в салонной атмосфере. Характерен приводимый самим Леоновым пример того, как «присутствие третьего лица» нарушило конфиденциальность беседы и сказалось на ее результате (с. 159–160). В самом конце главы бегло отмечена также роль салона как поставщика «новых сюжетов и новых авторов» для «Гражданина» (с. 170).

Отношения князя с министрами подробно рассмотрены в третьей главе. Опираясь на анализ обширной переписки Мещерского, автор дотошно выявляет приемы, с помощью которых он добивался расположения сановников, реконструируя на их основе посредническую деятельность хозяина салона. При этом иссле-

дователь исходит из того, что «внешняя сторона «вневедомственного влияния»» на данный момент является «достаточно хорошо изученной», и поэтому необходимо сосредоточиться на анализе ««кухни» отношений» (с. 176). Но и «внешняя сторона» событий до сих пор еще требует уточнений и привлечения новых источников, как это, кстати, делает и сам автор.

Не обходит Леонов стороной и такой деликатный вопрос, как патронаж Мещерским своих «духовных сыновей», то есть лиц, которые, как считала молва, состояли с ним в нетрадиционной сексуальной связи. Следует отдать должное научной щепетильности автора, который в самом начале четвертой главы констатирует невозможность на основе имеющихся источников убедительно доказать факт интимных отношений князя с данными лицами. Поэтому предмет исследования здесь руморологический (от английского rumour – слух) по своей природе – влияние дурной репутации Мещерского и его протееж на их общественно-политические возможности (с. 223). Леонов убедительно доказывает, что активное распространение слухов, компрометировавших князя, не имело каких-либо серьезных последствий. Но, подводя итоги своего анализа, он заявляет: «История взаимоотношений Мещерского и его молодых друзей убеждает в том, что интимные связи служили особым каналом рекрутирования в те элитарные круги, которые пользовались внушительным влиянием в России рубежа столетий» (с. 251). Тем самым автор без каких-либо оснований дезавуирует свои же слова о невозможности обоснованно подтвердить факт противоземестественных связей Мещерского с Н.Ф. Бурдуковым, И.И. Колышко и И.Ф. Манасевичем-Мануйловым.

В заключительной главе («Издатель и публицист») Леонов изображает «Гражданин» своеобразным инструментом обеспечения интересов «локальной сети» князя, издание которого демонстрировало избирательную лояльность и беспощадность – в зависимости от отношения объекта превозношения или критики к самому Мещерскому (с. 259). Но трудно сказать, какая роль князя была в данном случае определяющей – хозяина салона или все-таки издателя? Ведь и Леонов утверждает, что князь «занимал центральное положение в сети неформальных связей русского бюрократического мира» как раз «во многом благодаря своей газете» (с. 274). Описанный в книге конфликт Мещерского с государственным секретарем А.А. Половцовым в конце 1880-х гг. из-за публикации сведений о дебатах в Государственном совете (полученных от товарища государственного контролера Т.И. Филиппова, посещавшего салон князя и сотрудничав-

шего с «Гражданином») также трудно назвать «противостоянием индивидуальных сетей» двух видных общественных деятелей (с. 302). Председатель Совета вел. кн. Михаил Николаевич, к которому обратился за помощью Половцов, являлся его непосредственным начальником. И уж тем более нельзя видеть в Филиппове такого члена «локальной сети», который был бы готов в сложившейся ситуации хотя бы как-то заявить о своей поддержке князя. То, что Александр III после обращения к нему его дяди просто прекратил подобные информационные «утечки» в «Гражданин», наглядно свидетельствует о том, на какой именно ресурс опирался хозяин салона и издатель. По сравнению с ним (особенно когда он по каким-то причинам переставал действовать) все остальные ресурсы Мещерского, в том числе и его «локальная сеть», не стоили ровным счетом ничего. Леонов совершенно прав, утверждая, что «дело было не в сакраментальном значении “Гражданина” для русской общественной жизни, а в неформальных отношениях издателя и императора» (с. 303). Вообще же пятая глава в гораздо большей степени, чем все остальные, производит впечатление написанной для совсем другой книги с включенными в нее задним числом вставками о посредничестве и т.п.

Книга Леонова, сочетающая подробный разбор значительного количества источников, в том числе новых, с явными изъянами теоретических «несущих конструкций», оставляет сложное и неоднозначное впечатление. И главное, в очередной раз преподносит поучительный урок: неоправданная поспешность с насаждением у нас модных западных концепций может повредить если и не отвергаемому автором российскому «особому пути», то уж точно его изучению.

Д.А. Андреев,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ См., в частности: *Дронов И.Е.* Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; *Черникова Н.В.* Князь В.П. Мещерский и его эпистолярное наследие // *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу. 1863–1868. М., 2011.

² *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (Князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; и др.

³ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. См. также мою рецензию на данную книгу: *Российская история.* 2009. № 1. С. 194–196.

Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.: ил.

Изучение истории русского консерватизма принято считать молодым историографическим направлением¹. Действительно, в советское время монографии, посвященные «охранителям священных начал», были редкостью. Ситуация резко изменилась в 1990-е гг., когда началась настоящая мода на консерватизм, вызванная как объективными обстоятельствами того времени, так и относительной новизной изучаемого материала. Однако значительная часть вышедших тогда исследований и публикаций источников страдала недостатком академизма, публицистичностью, чрезмерным вниманием к теоретическим (социологическим и политологическим) «работкам» консерваторов в ущерб источниковедческим и собственно историческим аспектам. Нередко публикаторы относились к публикуемому ими наследию русских консерваторов XIX в. как к актуальным политическим рецептам, а не как к историческому памятнику.

Книги, подготовленные литературоведами Пушкинского Дома, с самого начала со-

ставляли приятное исключение. Настоящим событием стал выход в 2000 г. первого тома Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева – прекрасно изданного, снабженного подробными комментариями, но, к сожалению, не окончено и поныне (в 2009 г. вышла вторая часть восьмого тома). Эпистолярное наследие Леонтьева – самая интересная часть его творчества – все еще ждет своей научной публикации. Читателям же приходится довольствоваться неполным и избыточным множеством неточностей изданием Д. Соловьева² да многочисленными «малыми» публикациями О.Л. Фетисенко³. Таким образом, рецензируемое издание восполняет серьезный пробел в доступной исследователям и поклонникам леонтьевского творчества литературе.

Оба участника публикуемой переписки являются, конечно же, эталонными носителями «традиционалистской парадигмы». Но если Леонтьев давно стал признанным классиком русской мысли, то его друг, единомышленник и покровитель Т.И. Филиппов известен значи-